

М.В. Егорова

Повседневная жизнь учащихся Урала в дореволюционный период

Школьные годы – это не только учеба, это и время взросления, время становления личности в самых разнообразных ситуациях повседневной жизни. Свободное время, остававшееся после учебы в школе, каждый учащийся дореволюционных школ Урала заполнял сообразно своим интересам и склонностям. В повседневной жизни учащихся было немало как курьезных, интересных, смешных ситуаций, так и множество вопросов проблемного характера, которые им приходилось решать самостоятельно, несмотря на довольно юный возраст. Последнее обстоятельство связано было с тем, что большое количество учащихся средних школ Урала вынуждены были за неимением учебных заведений в своем селении обучаться вдалеке от родного дома и родителей. Если в школе дети находились под присмотром учителей и наставников, то вне ее в основном были предоставлены самим себе. Умение распределить свое свободное время, занять его полезными делами в дальнейшем способствовало выработке определенных качеств личности, необходимых во взрослой жизни.

Занятия в большинстве средних учебных заведений Урала до революции 1917 г. начинались в 9 часов утра и заканчивались в 2–3 часа дня. В школе ученики находились максимум шесть часов, остальное время они проводили, в большинстве случаев, вне учебного заведения. Чем же было занято свободное время учащихся? Во-первых, это, конечно, выполнение домашнего задания. По подсчетам преподавателей, в 1-х классах мужских гимназий на выполнение домашнего задания уходило 2–2,5 часа, во 2 и 3-х классах – 3–3,5 часа, в 4 и 5-х классах – 4–5 часов. В женских гимназиях в младших классах ученицы тратили на домашнее задание 2,5 часа, а в старших классах – 3–4 часа. Однако проверки, проведенные среди учеников средних учебных заведений Вятской губернии, заставили сделать вывод, что везде затрачивалось времени на выполнение домашнего задания на один час больше. Одной из причин было то, что многие учителя, считая свой предмет самым главным, старались задать учащимся как можно больше заданий, совершенно не согласовывая это с другими преподавателями. Плохо усваивая знания на уроке, учащиеся в большинстве случаев выбирали для себя один способ подготовки домашних заданий – твердили все наизусть. Такое заучивание приводило к тому, что на многолюдных квартирах во время вечерних занятий стоял невообразимый гул, так как материал

заучивали вслух. Иногда учащиеся просили, чтобы им разрешали прийти вечером в гимназию учить уроки, где устраивались вечерние занятия. Однако и эта мера не всегда давала положительный результат. В связи с этим учебное начальство призывало преподавателей тщательнее взвешивать свои требования и избегать задания на дом ненужных и бесполезных работ.

Подготовка домашнего задания занимала лишь часть свободного времени учащихся. Остававшееся время ученики могли потратить с пользой для себя, своего развития, как умственного, так и физического, или совершенно бесцельно, празднично проводя его на улице, а иногда и в увеселительных заведениях. Учебное начальство, стремившееся держать под контролем учеников и после занятий, пыталось организовывать их свободное время. Для этого устраивались литературные беседы, литературно-музыкально-вокальные вечера, торжественные акты, посвященные памятным датам и событиям истории и современности, общеобразовательные лекции, доклады, предпринимались самые разнообразные экскурсии, проводились праздники древонасаждения, в которых участвовали практически все учащиеся того или иного учебного заведения.

Однако у каждого учащегося были и свои, индивидуальные интересы, внешкольные занятия, которым они с удовольствием посвящали свободное время. Среди девочек большое распространение имело рукоделие, которое в дальнейшей жизни, конечно же, могло пригодиться. Учащиеся же мужских учебных заведений занимались столярным ремеслом, переплетным делом, ставили физические опыты, фотографировали, выжигали и выпиливали, занимались лепкой. Чтобы поощрить увлечения учащихся этими видами деятельности, учебное начальство периодически устраивало выставки детских работ, которые пользовались большим интересом у общественности. Проведенная в 1911 г. выставка работ учеников средних школ города Вятки была отмечена в местных газетах как весьма удачная, познавательная, производящая приятное впечатление. Особый интерес вызывали выставки, проводившиеся в профессиональных средних учебных заведениях, на которых были представлены физические приборы, сделанные самими учащимися [1, с. 3].

Увлекались ученики и гимнастикой. В начале XX в., видимо, под влиянием развития таких видов

спорта, как бокс, борьба, ученики мужских гимназий также проявляли интерес к этим видам спорта и даже выписывали спортивные журналы. В зимнее время распространены были лыжные прогулки, катание на коньках. Летом – катание на лодках, гребля, велосипедная езда. Небольшая часть учеников увлекалась шахматами. И учащиеся, и ученицы средних школ занимались рисованием и нередко просили учителей давать им дополнительные уроки. Большой интерес вызывали занятия музыкой, но, как отмечали учителя, это увлечение не имело ничего общего с профессиональным, серьезным отношением к этому виду внешкольной деятельности. И все же под руководством учителей пения при большинстве средних школ Урала были созданы ученические хоры, которые принимали активное участие в ученических литературно-музыкальных вечерах, на службах в церквях. При Нолинском реальном училище был создан из учеников оркестр балалаечников в количестве 33 оркестрантов. Инструменты для оркестра были приобретены на благотворительные средства. Обучали в этом учебном заведении и игре на скрипке и фортепиано, правда, платно – за 2 рубля в месяц. Эти уроки брали 19 человек [2, л. 21об.].

Но на первом месте стояло, конечно, чтение. При каждом среднем учебном заведении имелись ученическая и фундаментальная библиотеки. В разных школах состояние этих библиотек было различным, но все же основная литература, рекомендованная Министерством народного просвещения, была в наличии. Учителя ежегодно составляли списки литературы, которую должны были прочитать учащиеся того или иного класса. В основном в списках были произведения русских классиков. Не особо приветствовалось чтение западной литературы. Имелись в библиотеках и современные журналы, но подбор их был очень тщательный, а потому их было немного. В отчетах средних учебных заведений отмечался тот факт, что, к сожалению, учащиеся для чтения использовали и nereкомендованную литературу, книги не из библиотек учебных заведений. «Если в учебное время, – отмечалось в одном из отчетов, – еще до некоторой степени можно следить за тем, что читают учащиеся, то в каникулярное время они в этом отношении совершенно ускользают от нашего наблюдения. Читают все, что попадет под руку...» [3, л. боб.]. У большей части учащихся интерес к чтению был действительно огромный. Именно из книг они могли почерпнуть те недостающие знания, которые не могла дать им школа, в особенности по естественным наукам, социальным дисциплинам. Младших школьников увлекала в первую очередь приключенческая литература. Ученики старших классов проявляли интерес к запрещенной, нелегальной литературе, в которой можно было почерпнуть знания о современном состоянии политики, экономики, социальной жизни.

Их интересовали книги, посвященные злободневным вопросам современности. «В год окончания гимназии мы все были увлечены политическими и общественными вопросами, – вспоминал Д. Татарин, – различными конспиративными путями доставали Чернышевского, Белинского, Писарева, Шелгунова, Дж. Стюарта Милля, изложение учения К. Маркса, толстые журналы и газеты, из которых наибольшей популярностью пользовались «Русские ведомости» [4, с. 144].

В воспоминаниях учащихся средних школ посвящено немало строк такому увлекательному занятию, как чтение. Для пополнения своего образования ученики использовали любой удобный случай, чтобы раздобыть книгу: пользовались публичными библиотеками, передавали из рук в руки интересные книги и даже создавали свои собственные подпольные библиотеки. Практически во всех крупных уральских городах в 70–90-е гг. XIX в. силами учеников средних учебных заведений были созданы подпольные ученические библиотеки, которые сокращенно называли «подполки». На книгах из этих библиотек были воспитаны многие известные деятели культуры Урала. Создание и сама система пользования такой библиотекой требовала от учеников владения искусством конспирации. Учебное начальство нередко проводило «ночные налеты» на шкафы и тумбочки воспитанников, проживавших в общежитиях и на квартирах. Но ученики смогли изобрести целую систему охраны и сигнализации. Запрещенные книги обычно держали на особых полочках под столами или на верхушке печей, которые немного не доходили до потолка. Чтобы достать оттуда книгу, необходимо было построить живую пирамиду. Более безопасным способом хранения книг было создание подпольных библиотек на квартирах учеников, проживавших в городе у родителей. Таких учеников начальство посещало редко и уж тем более не устраивало у них обыски. Именно о такой библиотеке вспоминает, например, Н.А. Чарушин. В квартире ученика Вятской гимназии Петра Шуравина, жившего в семье в изолированной комнате с отдельным входом, была создана весьма приличная, удовлетворявшая многим вкусам и разным возрастам библиотека. Имелись здесь и запрещенные книги. Просуществовала библиотека многие годы и способствовала духовному развитию большого количества учеников города Вятки [5, с. 66].

Запрещенная литература, распространявшаяся среди учащихся в конце XIX – начале XX в., для ряда учеников средних школ стала первым шагом на пути вовлечения их в кружковую работу. Чтение такой литературы не могло проходить индивидуально и без некоторых последствий. Многим хотелось обсудить прочитанные книги со своими сверстниками или старшими товарищами. Активное участие в пропаганде запрещенной литературы принимали студенты

высших учебных заведений, приезжавшие на каникулы в уральские города к своим родным. Директор Малмыжской мужской гимназии И.М. Каменский в своем докладе на съезде директоров средних школ, проходившем в 1913 г., отмечал, что приезжающие студенты, стараясь образовать своих младших сестер и братьев, рекомендуют им запрещенную литературу левого толка. «Ученики, начитавшись таких книг, наверняка сделаются людьми левого направления», – утверждал И.М. Каменский [6, л. 77]. Действительно, по вечерам в городских скверах нередко в летнее время можно было видеть толпы учащихся, окружавших приехавших студентов. Они о чем-то спорили, пели песни, обменивались мнениями о прочитанной литературе.

Начиная с 60-х гг. XIX в. на Урале создаются кружки самообразования. И возникают они не без влияния революционно настроенных элементов. Уже в конце XIX – начале XX в. практически во всех средних школах Урала были такие кружки, которые, однако, периодически разоблачало учебное начальство. В 1877 г. кружок самообразования был создан Папием Подбельским в Троицкой мужской гимназии [7, с. 69]. В середине 60-х гг. появился кружок в Вятской мужской гимназии, руководил им гимназист Н. Лопатин [7, с. 60]. И.К. Франчески, вспоминая свою учебу в Вятской женской гимназии, отмечала, что под влиянием своих сестер вошла в 1898 г. в кружок самообразования, устроенный реалистами, гимназистами и гимназистками [8, л. 1]. 5 апреля 1894 г. директор Пермской мужской гимназии доносил учебному начальству, что им были разоблачены два кружка самообразования, созданных учениками и ученицами пермских гимназий. По мнению директора, кружки эти были только в самом начале своего развития [9, л. 1–12].

Особый всплеск по созданию таких нелегальных кружков приходится на 1905–1906 гг. Социал-демократическая и социал-революционная партии направляют своих представителей для работы с учащейся молодежью. В.Н. Шкляев, учащийся Вятской гимназии начала XX в., отмечал в воспоминаниях, что к ним в кружок был направлен руководитель-большевик. «На занятиях мы знакомились с основами учения Маркса, слушали лекции о классах, классовой борьбе, о социализме. Тогда впервые я услышал о Ленине. Мы – участники кружков – разрабатывали отдельные вопросы и выступали на собраниях кружка с рефератами... Занятия в кружке открыли мне глаза на происходящее, внесли ясность в понимание основных тенденций событий...» [10, с. 107]. По мнению В. Динзе, ученические кружки в начале XX в. уже не были разобщенными и действовавшими по отдельности. В стране активно развивалось среднешкольное движение, преследовавшее разнообразные цели: от вопросов самообразования до изучения

политических вопросов, тесно связанных с социальными. Участники кружков самообразования уральских городов поддерживали живые, активные связи с представителями кружков других городов страны. Существовала даже идея создания Всероссийского союза учащихся средних учебных заведений [11, с. 105]. Необходимо отметить, что в кружках самообразования были задействованы не все учащиеся средних школ, а лишь небольшая их часть. Кружковая работа была лишь одним из аспектов повседневной жизни небольшого количества воспитанников средних учебных заведений.

В начале XX в. учителя, стремясь поставить под свой контроль совместную деятельность учащихся в области самообразования, организуют кружки под своим руководством. Так, в Оренбургском реальном училище под надзором учителей были созданы географическая и астрономическая семинарии, а также кружок «Математические вечера для учащихся», главным организатором которого был преподаватель Н. Шемянов. На их заседаниях рассматривались дневники ученических экскурсий, читались рефераты, проводились опыты и наблюдения, создавались условия для получения учащимися дополнительных знаний [12, л. 29–30]. В Челябинском реальном училище был создан «Ученический клуб», членами которого были ученики 5–7-х классов. Цель этого клуба – дать ученикам разумное развлечение, содействовать развитию самостоятельности учащихся и умению держать себя в обществе. Руководил клубом один из членов педагогического совета. На собраниях обсуждались рефераты учеников, рассказы, стихи, а также сочинения современных писателей, исполнялись музыкальные номера, учащиеся играли в шахматы, шашки [13, с. 1–2]. Подобный клуб в 1913 г. предполагалось создать и в Нолинском реальном училище с целью предоставления учащимся разумных развлечений [14, л. 10].

Еще одной сферой внешкольной жизни части воспитанников средних школ было издание ученических журналов. Необходимо отметить, что журналы эти имели как минимум два направления. Одни, издававшиеся нелегальными кружками самообразования, находились под влиянием политических партий, в основном левого направления, а статьи в них носили характер довольно жесткого и обличительного выявления всех недостатков современной жизни. Другие, издававшиеся учениками под руководством или с разрешения педагогического совета, имели литературно-художественный или научный характер.

В своей работе, посвященной молодежному движению на Урале в пореформенный период, В.Я. Рушанин упоминает ряд изданий, выходивших под влиянием левых партий. В Екатеринбургской мужской гимназии выходили рукописные журналы «Новое время», «Среда», «Уралец». Члены кружка самообразования Тро-

ицкой гимназии издавали нелегальный рукописный журнал «Бродяга». Кроме статей гимназистов в нем печатались и статьи из нелегальных народнических изданий. С марта 1883 г. стала выходить «литературно-общественная газета учащихся средних учебных заведений города Перми “Школа”». По мнению В.Я. Рушанина, это было совершенно новое явление. Если ранее журналы издавались отдельными кружками или организациями учащихся одного учебного заведения, то теперь появились признаки организованности представителей нескольких средних учебных заведений. «Газета ставила целью объединить учащуюся молодежь Перми, помочь кружкам самообразования, информировала о настроениях и борьбе студенчества России, помещала письма с каторги, критиковала политику министерства народного просвещения. В «Школе» помещались и серьезные теоретические статьи о декабристах, отмене крепостного права в России, значении террора в русском освободительном движении и т.д.» [7, с. 76].

В 1903 г. в Уфе возникла нелегальная организация «Объединение учащихся», состоявшая из учеников мужской гимназии, землемерного училища, духовной семинарии и женской гимназии. Эта группа издавала журнал «Вперед». В редакционной статье была четко обозначена цель: «распространять социальные и революционные идеи среди учащихся и подготавливать, насколько возможно, к будущей борьбе с правительством» [7, с. 100]. Кружок самообразования вятских средних учебных заведений также издавал свой журнал под названием «Единение». Общеученический журнал в начале XX в. имели и учащиеся средних учебных заведений Перми, назывался он «Наши думы». В редакционной статье этого журнала стоял прямой призыв к объединению учащихся всех средних учебных заведений. Редакторы осуждали существовавшую ранее разобщенность среди учащихся, показывали всю неперспективность такого отчуждения друг от друга. Все статьи этого журнала условно можно разделить на четыре направления. Во-первых, статьи, посвященные быту учащихся, той непростой ситуации в обыденной жизни, которая была в тот момент. Во-вторых, статьи, характеризовавшие отдельных педагогов, причем учащиеся умели не только критиковать своих учителей, но и отдавать дань тем педагогам, которые смогли найти путь к душам учеников. К третьей группе принадлежали статьи, посвященные вопросам учебной и внешкольной жизни. Немало колких и нелицеприятных высказываний было сделано в этих статьях и в отношении учебной практики, и в отношении внеклассной жизни учителей и учащихся. И четвертая группа статей посвящена учебной хронике, самым ярким событиям, случившимся в Перми. При этом давалась и оценка этих событий [15, с. 23–32].

Но существовали ученические журналы и другого направления, а именно литературно-художественной

и научной направленности. Издавались они с разрешения и под руководством педагогов того или иного учебного заведения. Так, в 1913–1914 гг. в Оренбургском реальном училище выходил периодический сборник «Труды досуга». Редколлегия состояла из преподавателей и учащихся 4–7-х классов. Цель журнала – «дать возможность учащейся молодежи поделиться своими впечатлениями и интересующими их вопросами, возбудить интерес к литературной работе. Журнал должен был стать центром объединения учащейся молодежи и одновременно оказывать помощь преподавателям. На его страницах помещались стихи учеников, лучшие рефераты. Появились разделы: «Шахматы», научный» [16, с. 20]. Литературный журнал «Молодые побеги» выходил в начале XX в. в Оренбургской 2-й городской женской гимназии. Обращаясь к своим читателям, редакторы призывали всех желающих проявить свой талант и вместе работать над духовным и эстетическим развитием молодежи. В 1916 г. стихи и небольшие художественные зарисовки, напечатанные в журнале, были посвящены тяготам войны, легшим тяжелым бременем на плечи русского народа. Отвечала редакция и на такие вопросы читателей: что значит быть благоразумным, что такое застенчивость, как относиться к своим одноклассникам? Интересовали учениц и вопросы, связанные со школьной практикой, как, например, балловая оценка знаний, поступление на высшие женские курсы и т.д. Ученический журнал «Первые шаги» выходил и в Челябинском реальном училище. В нем печатались статьи, очерки, стихи и учащихся, и учителей. В 1916 г. был напечатан интересный очерк, посвященный роли кинематографа в жизни современного общества; появилась научная статья о лечебных травах; опубликованы небольшие зарисовки о повседневной жизни училища. Печатались в журналах также загадки, ребусы и другая интересная информация для умственного развития [17, л. 3].

Издание учащимися средних школ журналов являлось одной из сторон повседневной жизни учеников. Работа над журналом заставляла работать мысль, выявлять свой литературный талант, делиться со сверстниками идеями и проблемами, волновавшими авторов. Ученические журналы позволяли быть в курсе многих событий того времени, а также и видеть их своеобразную интерпретацию.

Многие учащиеся средних учебных заведений Урала были выходцами из небогатых семей. Некоторые в свое время лишились отцов, зарабатывать на учебу, пропитание, форму им приходилось самостоятельно. Для таких учащихся внешкольная жизнь была полна всевозможных лишений, а также постоянных поисков работы во внеучебное время. Приходилось работать рассыльными на заводах, торговать папиросами, продавать газеты, собирать чугун и сдавать его перекупщикам и т.д. Старшеклассники же, получив уже

в школе некоторые знания, пытались их использовать для добывания необходимых средств. Многие из них занимались репетиторством. Писатель, член Союза писателей СССР Григорий Андреевич Устинов в своей автобиографии вспоминал: «После смерти отца мне приходилось самому зарабатывать деньги, чтобы оплачивать за право учения в реальном училище, за форму одежды, питание, квартиру. Я хорошо рисовал. Вот и приходилось разным отстающим ученикам обеспеченных родителей преподавать на дому рисование и черчение. Весной частенько еще нанимался чистить от снега крыши домов бирских купцов и богатых мещан. А во время летних каникул, кроме помощи матери по хозяйству (вспахка, сенокос и т.д.), уходил на “Белый ключ”, где в лесу рубил и пилил дрова для фабрики, чтобы что-то заработать к началу учебного года» [18, л. 6].

Учебным начальством не всегда приветствовалось репетиторство учащихся старших классов, и причины негативного отношения к этой стороне внешкольной жизни учеников были весьма серьезные. В 1883 г. на заседании педагогического совета Вятской мужской гимназии обсуждался вопрос о репетиторстве учеников этого учебного заведения. Директор, делавший доклад по этому вопросу, выявил ряд негативных последствий данной деятельности учащихся. По его мнению, родители не всегда берут для своих детей действительно добросовестных и знающих репетиторов, чаще встречаются те, которые на первое место ставят возможность «втесаться» в доверие богатым гражданам и заработать неплохие деньги. В месяц можно было получить от 2 до 15 рублей. Родители репетитующих учащихся вели, можно сказать, эксплуататорскую политику. Как можно скорее они старались извлечь материальную пользу из учебы своих детей, за их счет повысить свое материальное благополучие. Все это негативно сказывалось на учебе учащихся, дающих уроки, на их физическом и психическом здоровье. Нередко учителям приходилось наблюдать и такую картину, когда ученики, начинающие самостоятельно зарабатывать, становились менее учтивыми со своими родителями, заявляя, что своим деньгам они хозяева. Да и своим ученикам репетиторы не всегда могли дать необходимые знания, так как не знали методики преподавания, не всегда последовательно занимались с ними учебными предметами. Ввиду всего вышеизложенного директор предложил утвердить специальные правила для репетиторов. В них отмечалось, что ученики старших классов Вятской гимназии (5–8-х классов) могли заниматься репетиторством только с разрешения гимназического начальства. Они обязаны были иметь по всем предметам хорошие знания и достаточно высокие баллы. Своим ученикам репетиторы должны были быть положительным примером во всем. На репетиторство должно было уходить не более 2-х часов в день. В случае если ученик, занима-

ющийся репетиторством, начинал хуже заниматься в гимназии, его немедленно лишали права давать уроки [19, л. 3–6]. Система репетиторства была весьма распространенным занятием учеников старших классов, являлась одним из способов получения денег, однако это не всегда положительным образом сказывалось на некоторых сторонах их жизни.

И все же немалое количество учащейся молодежи делило свое время между учебным заведением, кинематографом, театром и улицей. Праздное времяпровождение было одной из сторон внешкольной жизни учеников. Учащиеся младших классов, более непосредственные и подвижные, начитавшись приключенческих романов, составляли буйные ватаги и своими вылазками причиняли немало беспокойства степенным горожанам. В своих записках Н.А. Чарушин вспоминал: «...наш воинственный пыл сказывался не только в играх: мы предпринимали время от времени, под командой сильного и великовозрастного гимназиста старших классов Накарякова, набеги на глухой Копанский овраг, тогда еще не заселенный, где нередко в темные осенние и зимние вечера происходили ограбления прохожих. Вооружившись, кто чем мог, мы в воинственном настроении и в то же время с тайным трепетом в душе направлялись целым отрядом в это злополучное место в надежде встретиться с разбойниками. Но встречи этой, к нашему сожалению, а может быть, и к нашей радости, никогда не происходило, и мы возвращались домой ни с чем. Искали мы боевых столкновений и с семинаристами, исконными врагами гимназистов. О боевых стычках между теми и другими ходило в то время немало легенд, причем в большинстве случаев семинаристы выходили из них победителями. Это, разумеется, обижало нас, и мы жаждали возмездия, уповая на несокрушимую силу нашего предводителя. Но и здесь все наши искания обычно были безрезультатными» [5, с. 37–38].

Старшие же гимназисты и реалисты предпочитали проводить время мирно, нередко прогуливаясь по улицам с барышнями или принимая участие в танцевальных вечерах. В.Н. Шкляев, вспоминая свои школьные годы, так описывал эти гуляния: «После обеда и до наступления темноты в холодное время года молодежь «гуляла», обычно, по Московской улице. Гуляние по Московской заключалось в хождении взад и вперед непременно по северной стороне улицы. Гуляли компаниями, толкались, болтали, смеялись, знакомились. В теплое время года гуляли в Александровском саду на высоком берегу Вятки. С горы открывался захватывающий вид на реку Вятку и заречные дали верст на 25–30» [10, с. 114–115].

Принимали участие старшеклассники и в танцевальных вечерах, устраиваемых учебным начальством. Большое распространение они получили в начале XX в., видимо, как один из способов отвлечь учащуюся молодежь от радикальных настроений.

На этих вечерах играли духовые оркестры, а гимназисты и реалисты получали возможность познакомиться с барышнями и начать за ними ухаживать. Правда, не все танцы приветствовались учебным начальством. В начале XX в. в моду стал входить такой танец, как танго. Попечитель Оренбургского учебного округа в 1914 г. издал циркуляр о запрещении преподавания этого танца в учебных заведениях «ввиду его явно непристойного характера». Кроме того, учащимся средних школ было запрещено посещать танцклассы, в которых названный танец преподавался [20, л. 15].

Важную роль в повседневной жизни учащихся играл театр. Наличие в губернских городах Урала профессиональных театров, а также самодеятельных театральных коллективов, приезд гастролирующих трупп – все это вызывало живой интерес у учащихся к театральным постановкам. Однако учебное начальство строго контролировало и эту сторону внешкольной жизни учащихся. Посещение театра было ограничено. Воспитанники могли посещать театр только в праздничные и выходные дни, заблаговременно испросив разрешение у администрации учебного заведения. Репертуары местных трупп предварительно просматривались директорами и выявлялись те постановки, которые были безупречны во всех отношениях. Строго следило учебное начальство и за поведением учеников в театре. В начале XX в. в Вятке произошла любопытная ситуация, связанная с посещением театра школьниками. Вятский губернатор князь Горчаков решил навести порядок в губернии, попутно было решено установить тишину и спокойствие и в средних школах. На одном из совещаний с директорами школ он обратил их внимание на то, что учащиеся неподобающим образом ведут себя в театре: слишком шумят, рассаживаются в первых рядах партера, причем гимназистки чуть ли не садятся на колени гимназистов, а один дерзкий мальчуган, вертевшийся возле губернаторской ложи, дошел даже до того, что уцепился за руку княгиню. Для водворения порядка князем Горчаковым была предложена следующая мера: было запрещено размещаться школьникам в первых четырех рядах партера, таким образом, была установлена своеобразная черта оседлости для учащихся, посещавших театр. Эта ситуация широко обсуждалась вятской общественностью и в местных газетах [21, с. 2].

И все же театр был действительно светлым, необычным, всегда новым событием в жизни детей. То, что они там видели, чему сопереживали, заставляло их пробовать свои силы в ученических спектаклях. Очень часто в программах литературно-музыкальных вечеров гимназий и реальных училищ можно встретить упоминание о постановке учащимися сцен из литературных произведений или целых пьес. Например, в 1912 г. в Уфе состоялся вечер учащихся средних учебных заведений. На нем воспитанниками

частной мужской гимназии Ница и Верниковской была исполнена сцена из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов», а воспитанницы частной женской гимназии С.П. Хитровской сыграли вокальную пьесу «Квартет». 19 февраля 1916 г. в Оренбургской частной женской гимназии М.Д. Комаровой-Калмаковой состоялся ученический литературно-вокальный вечер, устроенный ученицами 6–7-го классов. На нем были сыграны две пьесы: «Медведь» Чехова и «Букет» Потапенко [22, с. 54].

В начале XX в. в будничную жизнь учащихся входит кинематограф. Появляются электротeatры и в крупных уральских городах. Учащиеся становятся усердными посетителями кино. Стоило появиться в кармане 15–20 копеек и можно было отправляться на просмотр новой картины. М.Д. Голубых, обучавшийся в начале XX в. в Челябинском реальном училище, провел анкету среди учеников этого учебного заведения с целью выяснить, какую же роль играл кинематограф в жизни учащихся. Оказалось, что почти 90% учеников посещали «иллюзион». Причем проявлялся интерес к картинам самой разнообразной тематики. Они смотрели (%):

комические картины	– 24,34;
драмы	– 19,92;
исторические	– 18,81;
военные	– 18,08;
видовые	– 6,64;
по сочинениям писателей	– 2,58;
научные	– 2,58;
все	– 1,47;
по естественной истории	– 0,73;
хронику	– 0,73.

Любопытно, что учащиеся младших классов рассматривали кинематограф как один из способов получения новых знаний. Именно они в большинстве своем посещали исторические, военные, видовые и научные картины. Некоторые даже намеренно ходили только на учебные картины, игнорируя все прочие. Один из учеников первого класса отметил: «Посещаю кинематограф потому, что получаю в нем довольно веские сведения, узнаю то, чего раньше не знал». Но чем старше класс, тем все меньше учащихся посещает такие картины. Начиная с 3–4-го классов просыпается интерес к драмам, которые, по мнению учеников, давали понятия о жизни. К седьмому же классу происходит пресыщение, появляется недовольство всеми картинами вообще. На вопрос, какие картины нравятся, все чаще отвечали, что «никакие», «все безразлично», «много выдумки, сильно действующей на нервы». Часто встречались ответы и такого рода: нравятся «картины легкого содержания», «нецензурные», «пикантные», «потому что заставляют бушевать молодую кровь». Учащиеся всех классов любили посещать и комические картины, и все же большая потребность в таких картинах была у старшеклассников. Объясняли они это тем, что у них была необходимость забыть

всякие невзгоды: «при виде этих картин рассеивается дурное настроение», «потому что забываешь обыденную жизнь и смеешься беззаботным детским смехом». Один из учеников написал следующее: «Я предпочитаю комические, потому что после нашей ученической жизни чувствуется сильное утомление, вследствие этого большой интерес представляет видеть веселые картины». Очень многие ученики ходили в кинематограф от скуки, от нечего делать. Будничная жизнь была скучна, а потому и стремились в кинематограф в надежде увидеть там «обманчивый сон», «получить ощущения». Еще одна причина походов в кино – это возможность пообщаться с гимназистками. Один из реалистов так написал об этом: «Признаться, ходишь в кинематограф из-за того, чтобы лишний раз увидеть знакомых гимназисток, поменяться с ними мнениями, поострить». Делая вывод по проведенному опросу, М.Д. Голубых отмечал, что кинематограф для большинства учащихся являлся источником, доставлявшим развлечение, отдых [23, с. 163].

Еще одним из способов отвлечься, провести интересно время было посещение бильярдных, что, правда, правилами для учащихся было категорически запрещено делать. В бильярдных часто можно было встретить учеников мужских гимназий и реальных училищ. При этом они не являлись только лишь зрителями, а и сами принимали активное участие в игре. Интересно, что некоторые родители поощряли такое времяпровождение своих детей. Так, в 1868 г. на заседании педагогического совета Вятской мужской гимназии слушался вопрос о том, что ученики 1-го класса Ребиндер и Кермиков посещают бильярдные при кофейнях. Причем Ребиндеру это было разрешено матерью для того, чтобы он мог совершенствовать себя в этой игре. Педагогический совет предупредил родителей, что в случае продолжения посещения бильярдных их детьми последние будут уволены из учебного заведения [24, л. 3].

После революции 1905–1907 гг. в среде учащейся молодежи стали проявляться настроения апатии, потери интереса к активной общественной жизни. Скучное внешкольное существование, неумение найти себе дело по душе не редко толкали учащихся старших классов мужских гимназий и реальных училищ в кабак, где можно было забыться за бутылкой, либо объединиться с товарищами и распивать спиртное на природе. Учащиеся все чаще стали проявлять открытый интерес к половым потребностям, посещая публичные дома и задние комнаты ресторанов. На заседаниях педагогических советов, в городских газетах, а также в ученических журналах не раз поднимался вопрос о таком времяпровождении учеников. В журнале учащихся средних учебных заведений города Перми «Наши думы» целый ряд статей был посвящен таким явлениям, как разочарованность в жизни, пьянство, распущенность. Были показаны гимназисты, целые

ночи проводящие за карточной игрой, пьянствующие и посещающие проститутку. Более сознательных товарищей авторы статей упрекали в том, что они не хотят протянуть руку помощи, отворачиваются, не стремятся вытянуть их из этого пагубного состояния [25, л. 11–13]. Моральное, нравственное разложение части учащейся молодежи в тот период времени, как видно, действительно имело место. И подтверждает это весьма известная история, связанная с обществом «Огарки», появившимся в ряде городов России после революции 1905–1907 гг. Название этого общества шло от следующего ритуала. При свете огарков свечей молодежь вела беседы на самые различные темы, но как только огарки догорали, начинался свальный грех, всеобщая сексуальная оргия.

На рубеже XX–XXI вв. голландским профессором славистом Отто Булле в архиве Л.Н. Толстого было обнаружено письмо начальницы Пермской частной мужской гимназии Отилии Циммерман [26, с. 37]. В нем последняя рассказывала писателю о нравственном разложении среди учеников средних школ города Перми. Она просила великого писателя сочинить нравоучительную книгу для молодежи в надежде, что к его словам они наверняка прислушаются. К сожалению, неизвестно, ответил ли Л.Н. Толстой на обращение начальницы мужской гимназии. Но вот учебное начальство, а также полиция все же отреагировали на ситуацию, сложившуюся в Перми в области нравственного становления учащихся. Начальник пермского охранного отделения в 1908 г. сообщал высшему начальству, что в Перми, действительно, не все благополучно с нравственностью среди учащихся. Местные обыватели уже давно замечали, что гимназистки вместе с гимназистами и реалистами посещают бани и номера. Ведут они себя настолько предосудительно, что всем вновь прибывшим в город это немедленно бросается в глаза. Выявил он и основные причины такого положения. Во-первых, это отсутствие достаточного внеклассного надзора. Во-вторых, легкий доступ учащихся в театр и к другим увеселениям подобного рода. В-третьих, так как основная масса учащейся молодежи Перми – это выходцы из крестьян, мещан, купцов и мелких ремесленников, то они очень близко соприкасаются с заводским населением, мало образованным и развращенным, которое и оказывает на них негативное влияние. Формы развлечений у этой молодежи грубы и вращаются около пьянства и половых потребностей. Приводился и еще один любопытный факт. При ликвидации организации РСДРП документально было доказано, что гимназистки, придерживавшиеся левых взглядов, вели агитацию среди рабочих в том числе и на почве половых сношений.

Наиболее низкий нравственный уровень полиция фиксировала среди учащихся Пермского Алексеевского реального училища и учениц частной женской

гимназии Барбатенко. По мнению полиции, именно эта менее культурная и весьма малочисленная часть молодежи и решила основать общество «Огарки». Однако далее издания прокламации, призывающей молодежь присоединиться к этому обществу, из-за отсутствия средств дело не пошло [27, л. боб.–7об.] Основная масса учащейся молодежи, трезво мыслящая, успокаивала и родителей, и общественность, говоря, что учащиеся не настолько глупы и беспринципны, чтобы присоединиться к этому движению. В журнале «Наши думы» немало статей было посвящено этому вопросу. Авторы однозначно отвергали существование «Огарков» в Перми. В целом же можно отметить, что такой повышенный интерес и в обществе, и в среде учащейся молодежи к сексуальным вопросам был неслучайным для того времени. В начале XX в. сексуальная революция была характерна и для России, и для Запада. Уральские школьники, как и их западные сверстники, посещали публичные дома, да и вообще довольно рано начинали жить половой жизнью [28, с. 101].

Изменившееся настроение учащейся молодежи в начале XX в. отмечало и Министерство народного просвещения и настоятельно стремилось обратить на этот факт внимание и родителей, и учителей, и общественности в целом. В одном из циркуляров отмечалось: «Это ненормальное настроение современного

молодого поколения выражается в каком-то беспокойстве, в жажде все новых удовольствий и впечатлений и в постоянном возрастании все новых потребностей, но без всякого желания для удовлетворения этих потребностей приложить свой собственный труд.

Такое ненормальное настроение учащихся и в связи с ним поверхностность, неустойчивость характера, излишняя рассеянность и рядом с этим неврастения в значительной мере обуславливаются слишком сильными и самыми разнообразными впечатлениями, чрезмерным внешним возбуждением, усиливающимся неподходящими развлечениями и зрелищами» [29, л. 25об.]

Итак, внеклассные занятия учащихся до революции отличались определенным разнообразием. Большинство учеников средних школ вполне могли найти себе дело по душе и способностям, удовлетворить свой интерес в познании окружающего мира. Однако в начале XX в. учащиеся начинали испытывать апатию, потерю интереса к активной жизни. И причины таких явлений лежали как непосредственно в школьной жизни, так и в изменяющейся окружающей действительности. Определенная вседозволенность, утрата духовных ценностей, разлагающие внешние факторы – все это вело к тем негативным последствиям, которые можно было наблюдать во внешкольной жизни учащихся перед революцией.

Библиографический список

1. По поводу выставки в мужской гимназии // Вятская речь. – 1911. – №37. – 16 февр.
2. Государственный архив Кировской области (ГАКО). – Ф. 880. – Оп. 1. – Д. 12.
3. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). – Ф. 92. – Оп. 2. – Д. 18988.
4. Татаринев, Д. Троицкая гимназия. Страницы воспоминаний / Д. Татаринев // Урал. – 1986. – №9.
5. Чарушин, Н.А. О далеком прошлом. Из воспоминаний о революционном движении 70-х годов XIX века / Н.А. Чарушин. – М., 1973.
6. НАРТ. – Ф. 92. – Оп. 2. – Д. 18988.
7. Рушанин, В.Я. Молодежное движение в России: региональный аспект (1861–1904 гг.) / В.Я. Рушанин. – Челябинск, 1998.
8. ГАКО. – Ф.Р. – 1397. – Оп. 1. – Д. 1.
9. Центральный государственный архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). – Ф. И. 109. – Оп. 1. – Д. 120.
10. Шкляев, В.Н. Моя жизнь / В.Н. Шкляев. – Горький, 1973. – Ч. I.
11. Динзе, В. Очерки по истории среднешкольного движения / В. Динзе. – СПб., 1909.
12. НАРТ. – Ф. 92. – Оп. 2. – Д. 18988.
13. Первые шаги : ученический журнал Челябинского реального училища. – 1916. – №2.
14. ГАКО. – Ф. 880. – Оп. 1. – Д. 12.
15. Богословский, П.С. О журналах пермских учащихся недавнего времени / П.С. Богословский // Кунгурско-Красноуфимский край. – 1925. – №8–10.
16. Сафонов, Д.А. Педагогическая пресса Оренбургского края в XIX – начале XX вв. / Д.А. Сафонов // Образование в Оренбуржье: история и современность : материалы научно-практической конференции. 13–14 марта 1997 г. – Оренбург, 1998.
17. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). – Ф. 86. – Оп. 1. – Д. 117.
18. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Ф.Р. – 1741. – Оп. 1. – Д. 11.
19. НАРТ. – Ф. 92. – Оп. 1. – Д. 15404.
20. ЦГИА РБ. – Ф.И. – 128. – Оп. 1. – Д. 29.
21. Чарушин, Н.А. Черта оседлости... для наших детей / Н.А. Чарушин // Вятская речь. – 1912. – №27.
22. Вестник Оренбургского учебного округа. – 1912. – №1.
23. Голубых, М.Д. Роль кинематографа в жизни современного общества (1916 г.) / М.Д. Голубых // Дореволюционный Челябинск в слове современников: собрание текстов / сост. В.С. Боже. – Челябинск, 1997.
24. ГАКО. – Ф. 205. – Оп. 2. – Д. 1629.
25. ГАПО. – Ф.Р. – 973. – Оп. 1. – Д. 491.
26. Кальпиди, В.В. Настало время авторских версий / В.В. Кальпиди // Журналистика и краеведение: материалы научно-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Назаровского и А.П. Гайдара / сост. Т.И. Быстрых; Пермская обл. универс. б-ка им. А.М. Горького. – Пермь, 2004.
27. ГАПО. – Ф. 160. – Оп. 1. – Д. 113.
28. Адлер, Л. Повседневная жизнь публичных домов во времена Золя и Мопассана / Л. Адлер ; пер. с фр. И.В. Свердлова. – М., 2005.
29. НАРТ. – Ф. 92. – Оп. 2. – Д. 18988. – Л. 25об.